

Между двумя скульпторами нет антагонизма. Просто они выбрали разные эпизоды из жизни Ольги

культурная политика

Во вторник в Пскове Зураб Церетели открыл памятник княгине Ольге. В среду памятник княгине Ольге же в Пскове же открыл скульптор Вячеслав Клыков. Два замечательных монумента открывал корреспондент „Ъ“ ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Зураб Церетели пригласил меня открывать княгиню Ольгу вместе с собой. Я стеснялся, потому что, с одной стороны, многократно критиковал скульптуру Церетели, а с другой — с точки зрения журналистской этики должен был ехать не только с Церетели, но и с Клыковым. Но не разрываться же, к тому же Церетели отправлялся самолетом, а Клыков поездом. В общем, я решил побороть стеснение, а в случае, если памятник Клыкова окажется лучше, сразу честно об этом сказать. Или не сразу, а когда в Москву обратно прилечу.

Так я оказался в VIP-салоне частного самолета Як-40 вместе с Зурабом Константиновичем Церетели. Первое, что я спросил: «Как так получилось, Зураб Константинович, что в Пскове две Ольги открывают?» «Ждал, что ты спросишь, — хитро посмотрел на меня Церетели. — И так придумал сказать, что раньше десять Лениных в городе было, и все еще хотели. Хорошо придумал?» — «Очень. Но все-таки?» — «Не знаю, как. Была комиссия празднования юбилея Пскова. Меня включили, как президента академии. На заседании меня Матвиенко попросила: вот, Зураб, есть у нас замысел. Но денег нет. Не подарите? Я решил подарить. Губернатор очень хотел. Место выбрали с ним. А потом в одной газете смотрю фотомонтаж: на месте, где моя Ольга, Клыков свою ставит. Мэр города ему заказал. Такое отношение, что мне — подарок дари, а ему деньги платят, и еще на моем месте. Там у них мэр с губернатором немножко ссорятся, на мне сказало». — «Вы за губернатора, а Клыков за мэра?» — «Нет, я за дружбу. Так и напиши: пусть все дружат. Так будет правильно». — «А где же поставили вашу Ольгу?» — «У гостиницы „Рижская“. Самая большая площадь». — «Это ж совсем на выезде!» — «Да? Не знаю. Не очень хорошо знаю город».

У скульптора Клыкова княгиня Ольга — родительница (слева), у скульптора Церетели — воительница
ФОТО — ПАИ-

Мы прилетели, и Зураб Константинович сразу отправился участвовать в юбилее. А я поскорее побежал смотреть Ольгу Клыкова, чтобы потом легче было сохранить объективность. Когда я увидел, что сделал Клыков, у меня немного от сердца отлегло. Нормально, думаю, до Москвы доеду. Вряд ли, думаю, Церетели хуже сделает.

Княгиню Клыков поставил действительно на выигрышное место, прямо против Кремля, на горке, рядом с церковью Василия на горке. Но вот образ княгини Ольги у него сложный, я бы сказал трехуровневый.

Первый — символический. Княгиня у него не одна, а с внуком Владимиром в возрас-

те мальчика-дошкольника. И она его толкает вперед с иконой. То есть она женщина-мать, точнее бабушка, а он будущий креститель. По пьедесталу Ольгу окружают русские святые, как у Опекушина на памятнике Екатерине Великой, а еще как в сцене вознесения Богоматери. Образно говоря, Ольга у него не столько сама по себе, сколько Владимироватер, точнее Владимиробабушка.

Второй — этнографический. Творческий метод скульптора Клыкова отличается несколько диковатой археологической научностью. Ольга задрапирована в характерны для западноевропейского средневековья одежды X века, разрисованные

разнообразными эмблемами и оберегами, птицами и крестами. Здесь, надо полагать, содержится намек на варяжское происхождение княгини. Однако ж, будучи настоящим русским, Клыков придал этим романским орнаментам сходство с владимиро-судальской резьбой XII века, которые, как учит нас история искусства, тоже романские по происхождению, но сильно русифицированные, что точно соответствует идее слияния варяжского и славянского этносов в становлении русской государственности. Но верная символически, эта идея очень сомнительна пластически. Со спины княгиня в мощном плаще приобрела сильное сходство с западным пряслом Дмитровского собора во Владимире, а спереди — с апсидной частью того же собора, что для женщины излишне монументально. Одно дело — апсида, а другое — бабье пузо. При том, что лицо княгини опять же этнографически точно напоминает лики с Корсунских врат Софии Новгородской (выпученные глаза, короткий нос и очень круглые щеки, в коих исчезает подбородок), получается крайне дородная и неприятно агрессивная тетка. Такое ощущение, что в браке с князем Игорем она, травмированная бражничеством дружины и буйными мужниными операциями по сбору дани, очень раздалась и приобрела скандальный характер.

Наконец, третий уровень — сегодняшний, бытовой. Скульптор тончайше учитывал особенности освещения, а поскольку княгиня смотрит на север, то ее выразительный лик всегда темен. В связи с этим скульптор повернул ее лицом чуть на запад, чтобы вечернее солнце боковым светом сообщало некую мягкость ее неприятному лицу. В результате она, стоя против Кремля, смотрит, однако ж, не на Кремль, а в универмаг, чем приобретает очень живое содержание. Довольно часто так бывает, что тетки ее возраста и комплекции, собравшись было свести пацана в Кремль для патриотического воспитания, по доро-

От Ольги до Ольги

ге все ж таки не выдерживают и сворачивают в этот центральный универмаг города.

К шести я добрался до гостиницы «Рижская». Должен сказать, что, видимо, мэр города Пскова Михаил Хоронен оказался совсем разагитирован антицеретелианцами, потому что по степени отшибности место приспособлено разве что для памятников в честь противотанковых ежей, сдерживавших наступление фашистов. На открытии мэр пытался загладить свое поведение, утверждая, что это место находится близко к деревне Выбуты, где Игорь увидел Ольгу, когда она стирала белье. Это такой устойчивый мотив, многие князья так находили себе жен, хотя то, что Ольга сама стирала себе белье, выглядит странным. Хотя, возможно, процесс поиска был обоюдный, не только князья искали, но и девицы находили, и, видимо, как у насавали, что плывут, дескать, так все девицы по речке, срочно подоткнув подошлы, бросались полоскать какую-нибудь тряпку. Но мэрское объяснение все равно никуда не годится, потому что до деревни Выбуты здесь ближе только на автобусе, которые в то время не ходили, а чисто географически две Ольги расположены на одинаковом расстоянии от этой исторически важной стирки.

Но благодаря такому далекому от центра месту Ольга Церетели сильно выиграла, потому что она совсем не такая пафосная. У него был совсем другой замысел, чем у Клыкова: «Я хотел патриотизм выразить. Чтобы все были патриоты, страну защищали. И еще я хотел, чтобы молодежи было понятно. Чтобы такой был образ, который создает дружбу поколений». Ольга стоит с большим двуручным мечом и щитом, телосложения хотя и спортивного, но совсем не без изящества, и больше всего она напоминает девицу-воительницу из модного сегодня иллюстративного ряда фэнтези. Чувствуется, что она этим мечом прекрасно фехтует и может не одну дружину положить. Лицом она менее славянская и отчасти напоминает царицу Тамару, но это куда симпатичнее, чем диковатая физиономия клыковской Владимиро-

бабушки, потому что восточным девичьим лицам помимо миловидности свойственна пусть внешняя, совершенно обманчивая, но мудрость и философичность.

Не совсем понятно, по какой причине, но на открытии памятника присутствовал героический командующий ВДВ России Георгий Шпак. Он очень долго ничего не мог сказать, все собирался и откладывал, Церетели тем временем всю осуществлял свою миссию дружбы («За мэра и за губернатора! За губернатора и за мэра!» — провозглашал он), и вдруг генерал Шпак все понял: «Я всегда считал: защищать родину — не женское дело. Но когда я увидел эту Ольгу, я понял, что это не так. Она могла бы защищать родину!»

Скульптору Церетели очень понравилась такая оценка, и он даже решил развить этот образ. Там за княгиней находится очень неказистый фонтан, и он решил его перестроить и украсить голубями. «Почему голубями?» — спросил я. «Символ ее, — ответил он снисходительно. — Помнишь, она голубей с огнем послала?» Он имел в виду эпизод, когда Ольга пожгла древлян, послав им птиц с зажженным трупом в отместку за казнь князя Игоря. Так что эта девица с мечом дополнится еще и птицами с горящими ногами, что окончательно превратит ее в роковую девицу из фэнтези.

Насладившись Ольгой Церетели, я вновь вернулся к Ольге Клыкова и подумал, что, в сущности, действительно между двумя скульпторами нет такого антагонизма. Просто они выбрали разные эпизоды из жизни Ольги, Церетели — более симпатичный и ранний, а Клыков — более зрелый, когда она, уже отмахавшись мечом и приобретя известную дородность, стала больше думать о семье и хозяйстве. В целом получилось как бы ее скульптурное житие, которое очень приблизило судьбу Ольги к судьбе рядовой псковитянки. В общем, хочется согласиться со словами мэра города Михаила Хоронена. «Доброе дело сделали скульпторы, — говорил он. — Доброе дело».